

**Ольга Голотвина
Дмитрий Самохин
Ирина Лазаренко**

ПТЕНЦЫ НЕГОРДЫЕ ВОЙНЫ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г61

Голотвина О., Самохин Д., Лазаренко И.

Г61 Птенцы негордые войны / О. Голотвина, Д. Самохин, И. Лазаренко – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. – 360 с. – (Аква).

ISBN 978-5-521-90554-6

На островах клана Циклон открываются школы разведки, куда набирают много странных и подающих надежды курсантов – таких как шаманка Бальбо. Она способна броситься на бомбардировщик с рогаткой, носит в гнезде на голове ручного ворона и заставляет задуматься: не зря ли клан Бриз даровал островитянам равные с мореходами права?

Смерть верховного тана Френа не помешала захватническим планам северян – и вот они уже оккупировали архипелаг Фетти, известный читателям по роману «Заклинатели войны». Ради ценной древесины северяне вырубили синие пальмы, богатство и красу острова, по всему архипелагу вспыхнула партизанская война, в городах действуют подполья. Влезают в передряги и бесстрашные артисты бродячего цирка Шарго, и их старый знакомый – загадочный чиновник для особых поручений.

BIC FL
BISAC FIC009000

© Ольга Голотвина, Дмитрий Самохин,
Ирина Лазаренко, текст, 2020

© Ирина Косулина, Ольга Кандела,
иллюстрации, 2020

© Ирина Косулина, обложка, 2020

© Т8 RUGRAM, 2021

© Т8 Издательские технологии, 2021

ISBN 978-5-521-90554-6

Ольга
Голотвина

Призраки синих пальм

3105 год, остров Фетти

1

 Если бы боги решили сотворить растение в защиту разбойникам, они придумали бы кислярник.

Не те подстриженные кустики с ароматными мелкими ягодками, что растут во дворах особняков. Нет, дикие заросли выше человеческого роста, чьи колючие, почти голые, неуклюже растопыренные ветви сплетаются в сеть.

В этой гуще хорошо скрываться лихим людям – тем, кто умеет передвигаться нагибаясь, держась ближе к стволам, приподнимая ветви над головой. Если наловчиться, можно идти шустро и почти бесшумно, прислушиваясь к треску и проклятиям за спиной: стражники сноровкой похвастаться не могут и глубоко в заросли не заходят...

Шестеро грабителей, что сгрудились сейчас на опушке, у дороги, – те в кислярнике прижились. В самом сердце зарослей вырубил поляну, сплели шалаши и жили почти в безопасности. Знали: даже огнём их стража не выкурит – кислярник плохо горит. Выбирались из убежища

только за едой и выпивкой на постоянный двор, хозяин которого тайком вёл с ними торговлю. Или, как сейчас, на добычу.

Долговязый, длинноносый главарь Кочет, чьи жёсткие рыжие волосы и впрямь походили на петуший гребень, деловито распоряжался (и видно было, что распоряжаться ему нравится):

– Паучишка, Репейник, Сметана – вы их пропустите и выйдете на дорогу сзади, отрежете им отход. А мы с Клыком и Недотёпой выйдем на дорогу перед ними.

– Слышь, Кочет, – опасливо спросил тощий альбинос Сметана, – а ежели они вылезут из фургонов и нам навешают? Вроде Мурлыка говорил, что в трупке сейчас – восемь морд? Нас-то шестеро всего...

– Мурлыка? – хмыкнул главарь. – А ты спросил Мурлыку, что там за циркачи такие страшные?

– Нет, – потупил Сметана бледно-голубые, почти прозрачные глаза. Он понял, что плохо расспросил осведомителя-трактирщика – и Кочет может прогневаться.

Но главарь был слишком занят мыслями о будущем нападении.

– А я и без Мурлыки эту трупку наперечёт знаю, – с чувством превосходства заявил он. – Видал их выкрутасы. У них война увела всех молодых. Те восемь человек – считай! – это два старика да две старухи, двое подростков да двое малышей. Кого из них ты боишься, Сметана?

Альбинос заткнулся. Зато насмешливо отозвался бывший наёмник Клык:

– Бояться там некого, это верно. Я вот другого не понимаю. На кой нам дались эти бродяги? Что тебе, Кочет, от них нужно? Фургоны на растопку для костра? Или отберёшь лютни с барабанами и начнёшь нам под музыку песни петь?

– А мы плясать будем, да? – хихикнул Репейник.

Кочет помрачнел. Пригладил рыжие волосы, которые тут же непокорно встопорщились.

Клык, сволочь, опять голос подал! В главари метит!

Эх, дать бы сейчас в зубы Репейнику! (Не Клыку, нет, Клыка если уж бить, то насмерть.) Но остальные тоже глядят вопросительно. Придётся растолковать.

– Так ведь цирк-то не чей-нибудь, а Айри Шаргб, про неё всякое говорят. Слыхал я, что давно, лет тридцать или сорок назад, нашла она клад. Волшебную вещь, какие в старые времена умели делать. Продала она эту вещь алонкеям, те её за это прямо золотом осыпали.

– Да ну? – хмыкнул Клык. – И с таким богатством она по дорогам шляется? Кувыркается на потеху всякому сброду? Хотя могла бы купить хороший дом в любом городе и зажить спокойно.

Сметана и Репейник что-то согласно забубнили. Бесприютные лесные грабители не представляли себе счастья без крыши над головой, поэтому сейчас не понимали главаря и не верили ему.

Кочет понял: надо выкручиваться. Он надменно глянул в хмурые, янтарно-карие (почти волчьи!) глаза Клыка. Хотел уже сказать что-нибудь загадочное: мол, хороший главарь всегда знает больше всей шайки, вместе взятой. (Хотя ничего, кроме буйных сплетен, Кочет про цирк Шарго не слыхал – а уж сплетни-то никого не обошли...)

Но тут аккуратно влез в разговор Паучишка:

– Про старуху Шарго люди позвякивают: мол, она когда-то принесла придорожную клятву...

– Чего-чего? – поощрительно переспросил Кочет своего верного подпевалу.

– Ну, дети дороги – всякие актёры, проповедники, торговцы вразнос, бродячие лекари и прочая шваль, – зачастил

Паучишка. – Они же, как и все, удачи хотят, верно? Вот самые храбрые из них дают придорожную клятву. На перекрёстке в полночь разжигают четыре костра, капают в огонь свою кровь и клянутся, что ни в жизнь на месте не осядут, а будут скитаться до тех пор, покуда смерть не поможет им донести дорожный мешок до последнего привала. А за это, дескать, мать-дорога будет их хранить от бед и дарить удачу. Вот, говорят, Айри Шарго в юности дала кровавую клятву – и нашла сокровище.

– Ишь ты! – посочувствовал Сметана циркачке. – Большие деньги, значит, имеет – а ни дом не купить, ни землю, ни слуг нанять...

– Я бы на её месте, – загорелся Репейник, хитрая лисья морда, – купил бы один дом в Энире, другой в Вейтаде, а потом завёл себе удобную карету – и катался бы из города в город. А ещё бы я...

– Сначала заполучи деньги, – оборвал его Кочет. – Хорош болтать. Паучишка, бери арбалет. Всё равно в драке от тебя толку мало, так хоть стрелять умеешь. Сметана...

– У меня лук, – поспешно отозвался альбинос.

– Лук, да... Репейник возьмёт пистолет.

– Да на кой мне твой пистолет, если ни пороха, ни пуль? – возмутился разбойник. – Кончились запасы!

– А для страха. Циркачи-то не знают, что твоя дура не заряжена!

– У меня нож, – лениво сказал Клык.

– И у меня, – с удовольствием кивнул главарь, взмахнув складным ножом. Длинное лезвие рванулось вперёд, щёлкнуло стопорное кольцо. – А Недотёпе и оружия не нужно, с его-то силушкой. Возьмёт палку покрепче да и... Недотёпа, эй! Ты чего задумался?

– Прости, Кочет, – мягко, печально откликнулся плечистый разбойник, в круглом лице которого было что-то

неуловимо детское. – Я на кислярник засмотрелся. До чего он, сволочь, быстро растёт! Меньше года – а какая чаща вымахала!

Он виноватым взглядом обвёл недоумевающие физиономии разбойников.

– Я ведь тут в сторожах ходил, когда на этом самом месте ещё росли синие пальмы. Аромат стоял – эх! А мы, если видели росток кислярника, выдирали с корнем, чтобы пальмам расти не мешал. Кто ж знал, что вскоре наши красавицы... что их тоже... с корнем...

Он сморгнул слезу с ресниц.

И тут случилось то, чего не поняли бы жители других островов. Казалось бы, что за дело грабителям, отщепенцам и бродягам, до загубленной захватчиками плантации? Но каждый из них с детства знал, что синие пальмы – гордость и богатство Фетти. Сказки о синих пальмах слушали, песни пели. Знали, что больше нигде это чудо не растёт, ни на одном из островов. А от мореходов-алонкеев слышали, что и ни на одном архипелаге...

И теперь на всех лицах появилось общее выражение – горькое, злое. Разбойники вдруг стали похожи, словно братья, потому что видели сейчас одно и то же. Перед их мысленным взором над голыми сучьями кислярника встали стройные прямые стволы и закачались перистые голубоватые листья.

То, чего больше нельзя наяву увидеть на Фетти, потому что красавицы-пальмы рухнули под топорами захватчиков...

– Ублюдки, – хрипло бросил Клык.

– Ублюдки, – искренне откликнулся Кочет.

– Алонкеи тоже гады были, но чтоб этак... чтоб с корнями... – вздохнул Паучишка.

И все кивнули.

– Ладно, – опомнился главарь. – От наших охов-вздохов пальмы сызнава не вырастут. Расходимся вдоль дороги. И дайте фургонам подальше в чащу заехать.

* * *

В это время три цирковых фургона мирно катили по дороге, приближаясь к зарослям, где их поджидала засада.

Первым фургоном правила сама хозяйка – Айри Шарго. Худощавая, жилистая, сильная, она выглядела моложе своих пятидесяти лет – может, потому, что пряди прямых волос, рассыпавшихся по спине, были выкрашены в яркие цвета: зелёный, синий, красный... Ни единого седого волоса не видно было в этой радуге, доходящей женщине до лопаток.

Айри держала длинную палку с трещоткой на конце и время от времени привычно потряхивала трещоткой над головой страуса, запряжённого в фургон. Страус вышагивал неспешно, не обращая внимания на треск. Да и сама Айри почти не глядела на дорогу, увлечённая беседой со спутником, который сидел рядом с нею на передке фургона.

Только сейчас, оставшись наедине со старым другом, Айри могла наконец-то узнать побольше о его недавнем путешествии в Геренхартские горы.

На постоялом дворе, где заклинатель змей Эшшу нагнал свою труппу, циркачи всё время были на глазах у посторонних людей. Собирались в дорогу, укладывали реквизит, запрягали страусов – и это тоже было зрелищем для кучки зевак. Эшшу сумел лишь шепнуть Айри и Утте: «Он жив и цел». Короткие слова скользнули от женщин к детям и к старому клоуну Фёржи – и усталая труппа оживилась, заулыбалась, принялась перебрасываться шуточками с зеваками.

От властной хозяйки труппы до семилетней Фины – все любили Бейтера Шарго, который ещё год назад был акробатом и канатоходцем, а теперь в Геренхартских горах командовал отрядом москитов, вёл борьбу с захватчиками-северянами. Борьбу дерзкую и, возможно, безнадёжную. Выходцы из ада, как именovali пришельцев на Фетти, легко смогли бы уничтожить любой из маленьких отрядов – но поди отыщи их в лабиринте из ущелий, пещер, заброшенных рудников, отвесных круч и зарослей кислярника! «Наши горы – за нас!» – смеялись москиты, возникали рядом с врагом, наносили быстрый удар и исчезали.

И сейчас Айри выпрашивала у Эшшу всё, что тот узнал о её сыне:

– Верно ли, что не ранен? Ох, и опасно же там, в Геренхарте... Алонкеи-то по острову шастать не любили, а выходцам, говорят, что море, что суша – всё едино...

– Это так. Но выходцы опасаются лезть в старые каменоломни, в пещерные ходы-переходы. А москиты знают каждый провал, каждую трещину в скале.

– В горах по ночам холодно. У мальчиков хоть есть тёплая одежда?

– Вот с этим хорошо. Как раз когда я там гостил, к ним прорвалась стрекоза алонкеев. В тумане проскользнула, под носом у патруля выходцев. Ты же знаешь, алонкеи без приборов чувствуют направление. Доставили москитам оружие, лекарства. Да, и тёплую одежду тоже привезли.

– Надо же! Значит, и от осиянных светом фэев хоть какая-то польза бывает?

– Иногда... А знаешь, я ведь там, на борту стрекозы, приятеля встретил!

Старый циркач заулыбался, подставив солнцу лицо: тёмная кожа, белые зубы, весёлые молодые глаза

и, как у всех из расы шаутис, надбровный валик, в котором пряталось прозрачное третье веко (оно набегает на глаза в воде, когда шаути ныряет).

– Приятеля? – подняла брови Айри.

Алонкеи, ещё недавно бывшие владыками морей, презирали островитян и не водили с ними дружбы. Брали дань, вот и всё...

Эшшу рассмеялся и взъерошил свои седые курчавые волосы:

– На стрекозе грузом заправляет алонкей из Круга Серебра. Солидный, серьёзный фэй лет сорока с небольшим. Судно всю ночь играло со смертью, а он встретил нас такой спокойный, аккуратно одетый. Ногти, как положено, покрашены белым лаком, а на лаке – красные точки: он же с дипломатической миссией! Тюки с грузом велел вскрыть и всё пересчитать, а потом подписать расписку. Мол, хоть и бесплатно, но в Круге Серебра на всё – учёт!.. А когда москиты приняли груз, он заметил меня – и узнал. Обрадовался! Всю важность растерял. Напомнил, как тридцать пять лет назад...

Тут Эшшу замолчал и прищурился, припоминая:

– Нет, тридцать шесть уже тому... Помнишь, в шестьдесят девятом году по всему Эниру был шум? Осиянные светом фэй перевернули город – искали пропавшего ребёнка-алонкея. А я тогда его нашёл... Вот это и есть мальчик Лаго. Вырос, сдал экзамены в Круг Серебра... Надо же, как время летит! Я-то его помню восьмилетним.

Айри нетерпеливо дёрнула уголок рта. В другое время она и сама охотно поболтала бы о давних приключениях и о мальчике Лаго, из-за которого в городе и впрямь когда-то случился немалый переполох. Но сейчас ей хотелось слушать только о сыне.

